

Библиотека
T-98

**ТЮРКСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И
ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Ш-163
T-98

У.1, к-31

ТЮРКСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
и
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Azərbaycan MEA Nəşriy
adına Dilçilik İnstitutunun
kitabxanası
Inv. № _____

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Книга представляет собой тематический сборник статей и научных сообщений и состоит из пяти разделов — лексикология, лексикография, терминология, заметки и сообщения, рецензии.

В статьях на материале тюркских языков Советского Союза и турецкого языка ставятся теоретические вопросы лексикологии, современной и исторической лексикографии, терминологии, а также практические вопросы составления толковых и многоязычных словарей.

Р е д к о л л е г и я:

доктор филол. наук Н. А. БАСКАКОВ (ответственный редактор),
доктор филол. наук А. А. ЮДАШЕВ,
кандидат филол. наук А. А. КОКЛЯНОВА,
кандидат филол. наук Л. С. ЛЕВИТСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Тюркская лексикология и лексикография» состоит из пяти разделов. Первый раздел посвящен вопросам тюркской лексикологии, второй — вопросам лексикографии, третий — вопросам терминологии, в четвертом разделе помещены лексикологические и лексикографические заметки и отзывы, в пятом — рецензии на вышедшие словари по тюркским языкам.

Содержание и характер статей каждого раздела разнообразны.

В первой, лексикологической, части сборника представлена дискуссионная статья И. В. Кормушина, посвященная проблеме структуры корня слова в алтайских языках, в которой автор прослеживает историю лексического развития корня *qa. Статья А. Г. Гасанова привлекает внимание тюркологов к истории фонетического развития и этимологии азербайджанского слова *həjvərə* (в аспекте истории слова *əvərə/mərə* < ئەۋەر>). Весьма важную проблему изучения омонимии затрагивает статья У. Т. Турсунова и Н. Р. Раджабова «Из истории изучения омонимов в узбекском литературном языке». Вопросам синонимии на материале татарского языка посвящена статья Г. С. Амирова «Синонимы в произведениях Г. Тукая». О взаимодействии тувинского и русского языков говорится в статье Б. И. Татаринцева, в которой прослеживаются процессы обогащения тувинского языка русскими заимствованиями в различных экономических и политических условиях до того, как Тува вошла в СССР, и после. Завершается лексикологическая часть сборника статьей Н. П. Голубевой по лексической

семантике, в которой рассматриваются значения турецкого глагола *uartmak*, реализующиеся в модели сочетаемости «действие + объект» и различающиеся степенью семантической связанности, а также выявляются некоторые формальные показатели этой связанности. Свободным значениям противопоставляются значения глагола в аналитических конструкциях и идиоматических сочетаниях на основе критерия выделаемости значения.

Второй раздел сборника состоит из семи статей. Первые три ставят проблемы исторической лексикографии: статья А. К. Боровкова «Названия растений по бухарскому списку „Мукаддимат ал-адаб“, посвященная ботанической терминологии по одному из списков известного четырехъязычного словаря «Мукаддимат ал-адаб», переписанного в Бухаре в конце XV в.; статья З. Б. Мухаммедовой «Предварительные замечания о словаре „Hell-i luγat-i čaγatai“», составленном в середине XIX в. в Хиве и представляющем собой толкования тюркских слов на персидском языке, и статья М. И. Боргаякова «Словарь Г. Ф. Миллера по тюркским языкам Сибири», в которой автор популяризирует одну из рукописей путешественника XVIII в. Г. Ф. Миллера, представляющую собой список слов башкирского, телеутского, шорского, хакасского и якутского языков, языка западносибирских татар и бухарцев.

Другую часть этого раздела составляют статьи по современной лексикографии. Статья С. Ф. Акабирова «О границах и источниках толкового словаря узбекского языка» определяет объем будущего толкового словаря узбекского языка и представляет общий интерес для всех тюркологов-лексикографов, занимающихся составлением национальных толковых словарей. Не меньший интерес представляет статья А. А. Юлдашева «Принципы выделения и размещения в словарях тюркских языков звуко-подражательных и образоподражательных слов», дающая исчерпывающие указания лексикографам-туркологам по оформлению сложных и специфических для тюркских языков различных форм этой категории слов в двухязычных и толковых словарях. О новом типе национальных трехъязычных тюркских словарей приводит сведения коллективная статья Н. А. Баскакова, Л. А. Покровской, Б. П. Тукана «Основные принципы составления трехъязычных словарей».

Наконец последняя статья этого раздела (Г. А. Смирнов «Словарь языка Г. Тукая») посвящена проблеме словаря языка писателей, где автор говорит о принципах и проспекте словаря языка крупнейшего татарского поэта, прозаика и публициста Г. Тукая.

Третий, терминологический, раздел сборника представлен: двумя статьями по общей терминологии конкретных языков — азербайджанского (М. Ш. Гасымов «Из истории образования и разработки терминологии в Азербайджане») и каракалпакского (Е. Бердимуратов «О терминологии каракалпакского языка») и пятью статьями по отраслевой терминологии: М. Губогло «Гагаузская терминология по скотоводству», А. Н. Баскаков «Современная турецкая юридическая терминология и ее лексикографическое оформление», С. Мурадова «О терминологии туркменского ковроткачества», М. Пенжиев «Об ирригационной терминологии туркменского языка», М. И. Скворцов «О некоторых особенностях чувашских народных названий растений».

Последние разделы содержат статьи Р. Х. Субаевой «О несовпадении объема значений слов в русском и татарском языках» и С. А. Соколова «Функционально-семантический анализ слова *bir* и его производных в турецком языке», заметку У. Доспанова «О лексических дублетах в южном диалекте каракалпакского языка» и три рецензии: Л. С. Левитской на «Этимологический словарь чувашского языка», составленный В. Г. Егоровым; А. А. Юлдашева на «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина; Э. Фазылова на словарь к «Хосров и Ширин» Кутба, составленный проф. А. А. Зайончковским.

Сборник в той или иной мере охватывает большинство тюркских языков как древних (староузбекский, старокыпчакский), так и новых (азербайджанский, алтайский, башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, татарский с западносибирскими диалектами, тувинский, турецкий, туркменский, гагаузский, хакасский, чувашский, шорский, якутский). В сборнике затрагиваются также и вопросы лексикологии алтайской семьи языков.

В сборник «Тюркская лексикология и лексикография» вошли материалы и исследования, представленные в Научный совет главным образом тюркологами республиканских и областных научно-исследовательских институтов, занимающихся проблемами исторической лексикографии

и лексикологии, а также вопросами составления различного рода словарей. Редколлегия считает, что данный сборник будет полезен как для составителей двуязычных переводческих и толковых национальных словарей, словарей фразеологических, синонимических, терминологических и других, так и для лексикологических и лексикографических исследований по различным тюркским языкам.

Все замечания и пожелания по данному сборнику и последующим выпускам лексикологических и лексикографических сборников редколлегия просит направлять по адресу: Москва, Волхонка, дом № 18, Научный Совет по лексикологии и лексикографии АН СССР.

Редколлегия

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОРНЯ *qa в АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

И. В. КОРМУШИН

Одной из центральных задач при изучении алтайских (турецких, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков является определение изначальной структуры корня в этих языках. С помощью этимологических исследований любое многосложное неразложимое на современном этапе на значимые части слово можно объяснить как исторически состоявшее из односложного корня и аффикса (аффиксов). Но далее возникает вопрос: можно ли односложный корень типа СГС, который является ныне безусловно преобладающим по сравнению с типом СГ для всех алтайских языков, считать также исторически составным (СГ + С), где второй согласный — аффиксальный элемент? Или же корни типа СГ образовались из корней типа СГС благодаря выпадению по разным причинам второго согласного?

Проблема эта была поднята тюркологами, и обе точки зрения имеют своих сторонников. Вторую отстаивает Н. А. Баскаков: «более древним является корень типа *c + g + c*, т. е. корни типа *къал-* 'оставаться', *бол-* 'быть' и пр. Что же касается остальных, то последние представляют собой более поздние модификации корня типа *c + g + c*, возникшие или путем редукции начального или конечного согласного *c + g + c*, например *e-* 'быть' <

(*й*)*ер-* — ср. чагат. *ер-// ир-* 'быть', или путем редукции только конечного согласного *с+г (+с)*, например *де-* 'говорить', *дже-* 'есть' (<*дей*, *йей* — ср. ног., новоуйг. и др. *дейши* 'говорение'; *йейши* 'еда')»¹.

С небольшим материалом в пользу противоположной точки зрения в 1961 г. выступил А. Зайончковский², который указал на имеющиеся по этому вопросу разногласия и привел некоторую литературу, справедливо называя в числе своих предшественников Г. И. Рамстедта и В. Банга.

Аргументы, хотя, возможно, и не все, обеих сторон убедительны. Наличие второго согласного *-ј-* в формах слов *је-* 'есть', *кушать*', *де-* 'говорить' и других трудно объяснить явлением протезы. Возможно, мы имеем здесь дело с реликтом второго корневого согласного, как в случае с турецким *su* 'вода', но с аффиксом принадлежности: *suуу* 'его вода' вместо ожидаемого *susу*; ср. *sub*, *suv*, *suγ* 'вода' в других тюркских языках, в том числе и в древних.

Формы указанных слов со вторым согласным *-ј-* встречаются не только в новоуйгурском, как это отметил Н. А. Баскаков, но и в древнеуйгурских и других древнетюркских текстах, главным образом в форме причастия настоящего времени: *tijür*, *jijür*. Все же вероятнее всего, что здесь *-ј-* аффиксального происхождения, ср. характерный оборот *tip tijür* (*Uig. IV C₂₂*)³. Кроме того, форма *-јиг* отмечена еще в ряде двусложных глаголов, оканчивающихся на гласный. Трудно предположить, что этот *-ј-* здесь является корневым элементом: *sözläjür* (*TT V B₁*), *oqjür* (*W₁₈*), *udjür* (*Rach II 1₄₃*). Ср. также интерпретацию А. Н. Кононовым характерного для огузских языков *-ј-* в аналогичной позиции в деепричастии на *-р* после основ на гласный, например *deyir* 'говоря',

¹ Н. А. Баскаков. Структура слога в тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I. Фонетика». М., 1955, стр. 333; О н же. Предисловие. — В кн.: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 14—17.

² А. Зайончковский. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — ВЯ, 1961, № 2.

³ В статье используются общепринятые в тюркологии аббревиатуры названий древнетюркских памятников. См., например: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. XXI—XXXVIII.

сказав⁴ и т. п., где *j⁰* рассматривается как самостоятельный аффикс деепричастия, исторически слившийся с аффиксом другого деепричастия, *-р ~ -б*⁴.

Совершенно очевидно, что разрешение подобных вопросов требует постоянного увеличения количества фактов и всесторонней проверки гипотез. Так, названная проблема второго корневого согласного может получить иное решение, если предположить, что на разных этапах пражазыкового состояния⁵ существовали корни типа СГ (I этап), которые впоследствии получили приращение: СГ+С > СГС (II этап), после чего уже у некоторых корней произошло падение второго согласного. Иными словами, указанные выше гипотезы, быть может, и не являются взаимоисключающими.

Первым ученым, указавшим на возможность возведения ряда тюркских корней к прототипу СГ, был В. В. Радлов. В своем теоретическом труде «Вводные мысли к описанию морфологии тюркских языков»⁶ В. В. Радлов изложил учение о сплавлении морфологических элементов тюркского слова. Эта теория явилась итогом многолетнего успешного изучения дешифрованных в конце прошлого века енисейско-орхонских рунических памятников, древнеуйгурских памятников, а также языков малых тюркских народов Сибири. При сопоставлении данных памятников и языков малых народностей с данными языками, прошедших долгий путь литературного развития, таких как узбекско-чагатайский, турецко-османский и др., нельзя было не заметить, что морфологические элементы тюркского слова на протяжении своей истории «разрастаются», т. е. «аффиксы сплавляются с основой в новые основы и между собой в новые аффиксы,

⁴ А. Н. Кононов. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на *-(^)n*, *-(^)b*, *-(j)°b*, *-(^)pan*, *-(^)ban*, *-(^)banyu(^n)*. (Материалы к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков). — ВЯ, 1965, № 5, стр. 111.

⁵ Здесь мы опираемся на высказываемые в последнее время в индоевропеистике мысли о необходимости «хронологической стратиграфии» пражазыкового состояния. См. об этом, например: Э. А. Макаев. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкоznания. — ВЯ, 1965, № 4, стр. 6 и сл.

⁶ W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morfolgie der Turksprachen. «Записки Имп. Акад. наук, историко-филол. отд.», т. VII. СПб., 1906.

которые активно распространяются и вызывают новые аналогические образования⁷. Это позволило В. В. Радлову утверждать, что «мы можем далее наблюдать при рассмотрении односложных тюркских основ, что некоторые односложные всеобще распространенные основы вовсе не следует считать корнями; напротив, они возникли из сплавления исчезнувшей основы с каким-либо основообразовательным аффиксом»⁸. В качестве примеров В. В. Радлов приводит *баг~пак* 'вяззка, связка' как образования с аффиксом *-к* от глагола *па-* 'вяззывать', зафиксированного в «Кутадгу билик», и глаголы *сык-* 'разрушать', *сын-* 'разрушаться' как образования на *-к* и *-н* от глагола *сы-* 'разрушать', встречающегося в енисейско-орхонских памятниках⁹.

Г. И. Рамstedt в своих работах опирался на учение В. В. Радлова о фузии, о чём он пишет уже во вводной части своего первого крупного труда по алтайской¹⁰, и там же мы находим первую «этимологическую идентификацию», важную для интересующей нас темы: тюрк. *jaq-* 'жечь, зажигать', чув. *śut-* (< **jat-* 'зажигать', тюрк. *jan-* 'гореть', в основе которых лежит **ja*,ср. монг. *ža-lin* 'пламя')¹¹.

И все же ни В. В. Радлов, ни Г. И. Рамstedt нигде не подчеркивали оказавшейся такой важной в наши дни (о чём будет сказано ниже) разницы между сплавлением, с одной стороны, основы из одного согласного со вторым согласным и, с другой стороны, основы из двух согласных с третьим согласным, четвёртым и т. д.

Вслед за В. В. Радловым и Г. И. Рамstedтом учитывал явление фузии и В. Банг в своих многочисленных штудиях по исторической морфологии тюркских языков¹².

⁷ Цит. по: G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen.—JSFOu, XXVIII, 1912, стр. 2.

⁸ W. Radloff. Указ. соч., стр. 34.

⁹ Там же.

¹⁰ G. J. Ramstedt. Указ. соч., стр. 1—2.

¹¹ Там же, стр. 3.

¹² Помимо упомянутой А. Зайончковским статьи В. Банга «Monographien zur türkischen Sprachgeschichte», следует указать еще на следующие его работы: W. Bang. Vom Köktürkisch zum Osmanischen. Vorarbeiter zu einer vergleichenden Grammatik

В последующее время возможность сплавления морфологических элементов с основами общепризнанна. Однако в немногих работах в сферу этого явления попадает и второй согласный корня. Ср., например, у Э. В. Севортияна: «в тур. *иу-* 'сообразоваться, согласоваться, подходить, соответствовать, быть к лицу' и *из* 'подходящий, подобающий, приличествующий, . . . конечные согласные у в глаголе и *з* в имени, возможно, являются словопроизводными показателями»¹³.

Взгляды В. В. Радлова и Г. И. Рамстедта в данном вопросе разделяет и А. Н. Кононов¹⁴.

В числе «безуокоризненных примеров» А. Зайончковского (как справедливо оценил этот материал в своей рецензии К. Менгес¹⁵) был назван корень **qa* с исторически засвидетельствованными рефлексами: *qa-* 'класть, складывать' (МК III 249), *qar-* 'схватывать' и *qaç-* 'убегать' (по всем тюркским языкам)¹⁶. В настоящей статье приводится дополнительный материал по корню **qa* из тюркских языков и делается попытка сопоставить его с аналогичным материалом монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Глагол *qa-* Махмудом Кашгарским был отмечен в наречии *племени ягма*, а в наречии чигилей («правильном»

des Türkischen.—APAW, 1917—1921 (четыре выпуска); Он же. Aus Türkischen Dialekten.—KSz, XVIII, 1919; «Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut». 7 писем.—Ujb, V—XIV, 1925—1934.

¹³ Э. В. Севортия. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 433.

¹⁴ См., например: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, §§ 94, 95, 127, 142, 168 и др.; Он же. [Прец. на кн.: А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959 и А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961] — ВЯ, 1963, № 5, стр. 136—138; Он же. О фузии в тюркских языках. «Структура и история тюркских языков». М., 1971 (в статье содержится, в частности, библиография работ советских ученых, поэтому дальнейшая история вопроса в настоящей статье не приводится).

¹⁵ K. Menges. Über den Bau der türkischen Wurzel.—UAJb, 1962, Bd 34, N. 1—2, стр. 157.

¹⁶ А. Зайончковский. Указ. соч., стр. 33.

для Махмуда Кашгарского языке¹⁷⁾ в том же значении употребляется форма *qala*.

Этот глагол сохранился в якутском и ногайском языках¹⁸: якут. *xala-* 'класть, вкладывать что-л. во что-л., грузить (судно)', ног. *кала* 1) 'класть, складывать'; 2) 'вводить, строить'. Элемент *-la-* в глаголе *qala* следует считать аффиксальным; в индоевропеистике для таких элементов употребляют термины «дeterminativ» или «расширение»¹⁹.

В туркменском глаголе *gal-* совпадли два глагола: 1) **galy-* > *gal-* 'вставать, подниматься', ср. от этого же глагола тур. *kaldır-* 'поднимать', 2) **ga+l* > *gal-* 'увеличиваться, прибавляться'. Второй глагол и соотносим с рассматриваемым корнем **qa*, причем пассивно-рефлексивное значение глагола указывает на тюркский характер элемента *-l-*. Еще один глагол: туркм. *gäl-*, тур. *kal-* 'оставаться' также восходит к корню **qa*. Семантическое развитие представляется здесь в следующем виде: 'оставаться, сохраняться', т. е. быть или стать совместно с кем-то, чем-то; затем 'оставаться, оказываться в каком-л. положении' (в том числе и без чего-л.), затем 'оказываться позади' (см. ДТС, стр. 410).

Характер расширения при сопоставлении с глаголом *qa-* обнаруживает и элемент *-t-* в глаголе *qat-*, широко представленном в древних памятниках и живых тюркских языках. Семантика глагола *qat-* получает дальнейшее развитие; он значит не только 'соединять что-то с чем-то вместе, складывать', но и, как в турецком языке, 'прибавлять, добавлять' (т. е. соединять что-то с чем-то, взятым за основу), 'смешивать' (т. е. соединять что-то разнородное, обычно о растворах). В киргизском языке

¹⁷ Т. А. Боровкова. Грамматический очерк языка «Дайвани лугат-ит түрк» Махмуда Кашгарий. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 4.

¹⁸ В статье глаголы приводятся в форме основы, а значения берутся из соответствующих национально-русских словарей. Материал из древнетюркских памятников приводится из древнетюркского словаря, в основном из словарных статей, принадлежащих автору. В настоящей статье, таким образом, даются некоторые обоснования семантической разработки соответствующих слов в ДТС.

¹⁹ К. А. Левковская. Проблемы словообразования в сравнительно-историческом исследовании и методика их изучения (на материале древних германских языков). «Филологические науки», 1960, № 2, стр. 65—69.

помимо 'прибавлять, добавлять' развилось значение 'спрятать': *Койнума катып алдын* 'Я спрятал себе за пазуху'²⁰. Спрятать — значит тайно присоединить, присовокупить что-либо к себе или в свою пользу.

В якутском, башкирском, казахском и телеутском языках указанный глагол специализировал свое значение: 'свертывать, скручивать, сечь (нитку и т. п.)', что указывает на соединение ниток и т. п. в одно целое определенным образом. В башкирском (помимо указанного значения 'сечь (нитки)') и ногайском языках специализация семантики привела к значению: 'заправлять, делать приправу к пище': *ашка корот жатыу* 'заправить суп курутом (особым сырьем)'²¹. См. также тур. *katık* 'приправа (к хлебу)'.

В рассматриваемое гнездо слов должен быть включен глагол *qaq-*. Махмуд Кашгарский отмечает синонимичность глаголов *qaq-* и *qat-* (МК I 432). Из современных языков глагол *qaq-* сохранился в узбекском языке: *қор-* 1) 'примешивать, смешивать'; 2) 'замешивать, месить', и в турецком: *kar-* 1) 'вводить, вгонять'; 2) 'проливать'; 3) 'месить, смешивать с водой'; ср. также устойчивое сочетание *kartma karışık* 'совершенно спутанный, перепутанный', в котором первое слово — отлагольное имя на *-ta*. В других языках представлены различные производные этого глагола, например: башк. *жарыш-* 1) 'противиться кому-л.; не повиноваться кому-л., чему-л.'; 2) 'упрямиться'; кирг. *жарыш-* 'противиться, упрямиться, упорствовать'. Их семантика представляет собой дальнейшее развитие исходного значения, как это видно из сравнения с тур. *kar-* и узб. *қор-* (речь идет о соединении действий или воли людей в их различии, противопоставленности их друг другу). В ногайском языке наряду с *карыс-* 1) 'смешать, перемешаться, запутаться'; 2) 'вмешиваться' (ср. также *карыж* 'прибыль') есть глагол *карас-*, который избежал переосмысления и сохранил значение, близкое к исходной семантике — 'помогать в чем-л., делать что-л. вместе': *той аска карасын юри* 'он помогает готовить еду к свадьбе'.

²⁰ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 358.

²¹ «Башкирско-русский словарь». Сост. К. З. Ахмеров и др. М., 1958, стр. 331.

Приведенные выше различные значения глаголов qat-, qaq- в разных тюркских языках можно объяснить только специализацией исходного значения, выразившейся во включении в лексическое содержание глагола — имплицировании — некоторых дополнительных указаний на особенности осуществления действия и особенности объектов действия.

Сняв эти модификации, получим исходное значение в виде нерасчлененной (по предметам и орудиям действия) семантики 'действия, направленного на достижение какой-либо совокупности предметов', что несомненно позволяет считать глаголы qa-, qala-, qat-, и qaq- восходящими к одному корню, а элементы -la-, -t- и -g- — формативами, которые под влиянием семантического обобщения каждой формы (и, конечно, других факторов) слились с корнем.

Помимо рассмотренных выше глаголов к корню *qa восходит целый ряд слов, относящихся к другим частям речи. В этих словах вторым согласным, как и в глаголах, выступают r, l, t.

Наибольший интерес представляет слово qara 'множественный'; 'многочисленность, множественность', значение которого утрачено уже в раннюю письменную эпоху и может быть установлено по сочетаемости со словами аналогичной семантики. Одиночное употребление слова qara сузило его семантику до значения 'толпа, народ, народные массы', и в этом своем значении оно контаминируется со словом qara II 'черный', приобретая тем самым определенное социальное содержание 'чернь, простой люд, низшее сословие', что видно из следующих примеров:

süsí kelti qarasın jī ydīm begi qačdī 'его войско пришло, простой люд его [войска] я разбил, а военачальники — беки бежали' (Oa₁);

qara qabūsī barça qarnī üčün / bodun tevşigi barça boyzı üčün 'все заботы простого люда о хлебе насущном, / все усилия народа ради желудка (букв.: ради глотки)' (QBN 311₂).

В последнем примере слово qara выступает синонимом слова bodun, в значении которого никакого пренебрежительного оттенка нет, так как внутренняя форма слова связана со значением множественности, собирательности: bod // bod // boj 'род, племя'. Такое же значение множест-

венности отмечается в слове qara при парном его употреблении со словом jılqı: jılqı qara 'скот', например: toquz kündä jılqısı qarası ölüür 'в день свиньи у него падет скот' (TT VII 33₁₉).

Очень показательным для значения собирательности в слове qara I является его парное употребление со словом qamaç в следующем отрывке из «Гадательной книги»:

qanlıq süsi abqa önmış saýır ičrä elik kejik kirmiš qan eligin tutmış qara qamaç süsi ögirer 'ханская дружина отправилась на охоту; в облаву попали косули, хан ловил [их] своей рукой, и вся дружина его радовалась' (Ths II₉₇).

На фоне этого примера становится ясным следующее место из «Памятника в честь Кюль-Тегина»:

qara türğäş bodun qop ičikdi 'весь тюргешский народ целиком подчинился' (KT₃₈).

Значением множественности, кроме слова qara I, обладает в древнетюркских памятниках также слово qalın, которое в современных языках получило дальнейшее семантическое развитие: тур. kalın 1) 'толстый'; 'густой, плотный'; 2) 'грубый'; 3) 'тупой, глупый'; кирг. қалың 1) 'густой, частый, плотный'; 2) 'толстый'; узб. қалин 1) 'толстый'; 2) 'теплый'; 3) 'плотный'; 4) 'частый, густой'; 'густо'; 5) 'обильный, густой'; 'много, обильно, густо'. Правда, в узбекском и киргизском языках в слове qalın отчасти сохранилось и значение множественности,ср., например: узб. Бозор куни одам қалин (Ойбек) 'В базарный день много народа'; кирг. қалың эл 'множество народа'; қалың той 'большой (для большого числа людей) шир'.

В древних памятниках значение множественности для слова qalın является преобладающим:

qalın jaçıqa qajmatın 'не обращая внимания на многочисленных врагов' (E 28₈);

qalın sū jajlса ičin bulyaşır 'когда многочисленное войско колеблется, его порядки смешиваются' (QBN 176₄).

Значение собирательности отчетливо проявляется в глаголах, связанных, несомненно, со словом qalın: qalaqıç-, qalaqıç- 'увеличиваться, умножаться' (Suv).

Интересно отметить аналогичное семантическое развитие индоевропейских слов того же значения: «Название собрания — хеттск. ranktś — представляет собой

субстантивированное прилагательное *panki-* 'целый, весь', которое обычно применяется к войску в значении 'целое (обширное) войско'. О первоначальном значении 'обширности, густоты' у слов этого корня позволяет судить родственное хеттское слово *pangarit* 'целиком, целой массой', применяющееся (уже в надписи Аниттаса и в других текстах) к войску (как и *panki-*, с которым оно чередуется в некоторых текстах), ср. образованный от той же основы глагол *pangarȋta-* 'увеличиваться' и родственные слова других индоевропейских языков (греч. *παχός* 'толстый', др.-инд. *bahū* 'густой', 'многочисленный' и т. п.)²².

Именное образование от корня **qa* со вторым согласным -t представлено общим для тюркских языков словом *qat* 'слой, ряд'. Слой — это «масса вещества, покрывающая поверхность чего-л.»²³, т. е. нечто, присоединяемое к чему-либо в определенном порядке. Из этого первичного значения развились дополнительные, например тур. *qat* 'ряд' — совокупность предметов (лиц) в определенном порядке. Здесь у первичного значения 'слой' как бы потеряна соотнесенность с соединяемым веществом (предметом); это же слово может употребляться как счетное, принимая значение 'раз, крат'; обозначение определенного «ряда» в доме создает значение 'этаж'²⁴.

Рассмотрим образования со вторым согласным -r. Помимо приведенного А. Зайончковским глагола *qarp-* 'хватать', к ним следует отнести глагол, имеющийся, например, в турецком: *kara-* 1) 'закрывать, покрывать'; 2) 'запирать'; 3) 'заполнять'; 4) 'прекращать' и производные от этого глагола: др.-уйг. *qaraq* // *qarīq* (тур. *karı*) // *qarçı* 'дверь' и *qaraq* (тур. *karaq*) 'крышка, покрышка'. Здесь семантика 'покрывать' напоминает значения в образованиях с -t, давшее: *qat* 'слой' (см. выше). Другая лексико-семантическая линия, представленная третьим значением тур. *kara-*, ближе к исходной семантике 'присоединять, доводить до множества'. Эти же две линии в развитии значения можно обнаружить и в древнем, встречающемся во всех древнеуйгурских текстах, слове *qar*, например тур. *kar* 'сосуд, посуда'

²² В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 22.

²³ «Словарь русского языка», т. IV. М., 1961, стр. 197.

²⁴ Ср.: Э. В. Севортиян. Указ. соч., стр. 69.

(т. е. вместилище, которое можно чем-либо заполнить) и 'наружный покров, покрышка' и т. п.

Включение в ряд сопоставляемых слов глагола *qara-* требует объяснения второго гласного.

Если предположить, что первоначальный алтайский корень состоял из СГ, то с большой вероятностью следует считать первоначальные аффиксальные морфемы тоже состоящими из СГ. С усложнением словесной структуры, т. е. при наращении к слову, состоящему из корня и аффикса и имеющему вид СГСГ, последующих (второго и т. д.) аффиксов, второй гласный оказывался в слабой позиции. Сплавление второго согласного следует поставить во взаимосвязь с падением этого гласного; указанному сплавлению способствовало также самостоятельное развитие лексического содержания производных форм, что, собственно, и пытаемся мы установить при помощи сопоставления различных значений однокоренных слов в разных языках или различных вторичных (третичных и т. д.) производных от этих слов. Преобразование корневой морфемы в закрытый слог происходило неравномерно для различных языков и групп языков. Например, в тюркских языках оно прошло ранее и захватило больше слов, чем в монгольских; в маньчжурском больше открытых корневых морфем, чем в эвенкийском или эвенском и т. д.

Все же во всех алтайских языках существует известное число основ типа СГСГ. По поводу этого второго гласного существуют различные мнения. Некоторые учёные вслед за П. М. Мелиоранским считают его аффиксом для ряда тюркских слов²⁵, некоторые, как Г. И. Рамстедт, Б. Я. Владимирцов, В. Банг и др., напротив, считают основы СГС более поздними, образовавшимися из СГСГ благодаря отпадению гласного. В. Котвич уделил особое внимание частному случаю этой проблемы — тюрко-монгольским параллелям типа *kök* ~ *köke*, в которых второй гласный, по его мнению, — фонетическое или морфологическое наращение²⁶.

Для сопоставлений, подтверждающих аффиксальный характер второго согласного, первичность или вторичность морфемы СГСГ по отношению к морфеме СГС не

²⁵ См. подробнее: Э. В. Севортиян. Указ. соч., стр. 436—438; В. Котвич. Указ. соч., стр. 33—46.

²⁶ В. Котвич. Указ. соч., стр. 41.